Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

«Дело Сталина»

09.06.2026.

Черчилль, Рузвельт и Сталин у Ливадийского дворца во время Ялтинской конференции в феврале 1945 г. (Общественное достояние)

Джайлз Милтон – британский писатель, специализирующийся на повествовательной истории и в первую очередь на истории Второй мировой войны. Его книги были проданы в Великобритании тиражом более миллиона экземпляров и переведены на двадцать пять языков, среди которых, насколько мне удалось установить, нет русского. Зато франкоязычная аудитория благодаря издательству Éditions Noir sur Blanc смогла ознакомиться уже с двенадцатью из его сочинений, причем некоторые оказались настолько востребованы, что были переизданы.

Книга, полное название которой «Дело Сталина: Невозможный альянс, выигравший войну», была впервые опубликована в 2024 году и посвящена крайне хрупкому и парадоксальному союзу между Иосифом Сталиным, Уинстоном Черчиллем и Франклином Д. Рузвельтом во время Второй мировой войны. Милтон написал не столько «большую военную историю», запечатленную в памяти многих в виде фотографий большой тройки на конференциях в Тегеране и Ялте, сколько историю личностей, взаимного недоверия и взаимного же притяжения, дипломатических интриг и психологических игр вокруг союзничества США и Великобритании с СССР. Союзничества вынужденного – открытие второго фронта было необходимо ради победы над общим врагом и отвечало общим интересам. Одна из сильнейших сторон книги – использование личных дневников, писем и малоизвестных свидетельств, особенно связанных с американским дипломатом Авереллом Гарриманом и его дочерью Кэйтлин (Кэти). Внушительная библиография в конце внушает уважение к проделанной автором работе и доверие к ее результатам.

Привыкнув думать (и писать) параллельно на нескольких языках, я не могу не обратить внимание на название книги. Тут такой интересный момент: оригинальное английское название *The Stalin Affair,* как и французский перевод *L'Affaire Staline* – многозначны. Тут могут считываться и «дело», и «история», и «эпизод», и «роман», и «скандал», и даже «дипломатический инцидент». Подобная многосмысленность и смесь светского сюжета и политической интриги вполне соответствуют стилю книги, в которой война представлена как смесь дипломатии, психологического театра и личных отношений. Русский же вариант – «Дело Сталина» – автоматически дал бы не только авторскую оценку, но и начал бы работать почти как юридическая формула: «дело такого-то», то есть дело обвиняемого, фигуранта, подсудимого. Со всеми неизбежными для русскоязычного человека ассоциациями: «дело Дрейфуса», «дело Бейлиса», «дело врачей» и так далее. Слово «дело» сразу включает судебно-политический регистр и звучит обвинительно, даже если речь формально идет просто об «истории» или «сюжете». В этом смысле русский перевод названия оказался бы жестче английского оригинала, подтолкнув читателя к ожиданию морального приговора Сталину, в отношении которого в России до сих пор не существует окончательного общественного консенсуса.

Но Джайлс Милтон – британец, и его книга устроена тонко: она скорее показывает механизмы соблазна, политической наивности и вынужденного союза с диктатурой. И именно поэтому название работает так хорошо: оно обещает одновременно судебное «дело» и дипломатический «case study».

Стиль у Милтона типичный для англосаксонского narrative history: очень кинематографичный, с акцентом на сцены, характеры и драматургию. Он умеет превращать исторический non-fiction в почти политический триллер. Это одновременно достоинство и ограничение: академические историки иногда упрекают его в некоторой «романизации» документального материала, но читается он увлекательно, так что «простые читатели» не будут в обиде.

Эта книга вряд ли подарит открытия специалисту по советской истории – большинство описываемых событий хорошо известно. Но именно в этом – в удачном синтезе известных фактов, создании живых портретов и показе того, насколько западные лидеры заблуждались насчет своего временного союзника, – и состоит ее интерес. Книга постоянно балансирует между историей, политическим мифом и

моральной неоднозначностью – то есть находится как раз в том пространстве, где сегодня идут многие дискуссии о памяти войны и европейской исторической культуре.

Так устроен человек, что, читая книгу или смотря фильм на историческую тему, он невольно примеряет ситуацию из прошлого к настоящему. Книга же Джайлса Милтона буквально провоцирует на чтение через призму сегодняшнего дня, тем более что механизмы персонализированной дипломатии, политической иллюзии, медийного спектакля, да и просто человеческого тщеславия никуда не исчезли.

Замечу, что несмотря на неучастие – по крайней мере, прямое – Швейцарии во Второй мировой войне, многое в книге касается и ее, особенно в контексте политического и юридического переопределения нейтралитета под конкретную историческую необходимость. Вот что мы читаем о пресс-конференции президента Рузвельта, прошедшей в Овальном кабинете Белого дома 24 июня 1941 года, то есть через два дня после нападения гитлеровской Германии на СССР: «На этой пресс-конференции почти ничего нового не прозвучало: президент отказался раскрывать какие-либо подробности, сообщив лишь, что подписал распоряжение о размораживании советских активов. Он также дал понять, что закон о нейтралитете, принятый для того, чтобы позволить Америке не вмешиваться во внешние конфликты, не будет распространяться на германо-советскую войну. Тем самым становилось возможным поставлять американское вооружение в советские порты.»

Вообще, читая книгу сегодня, трудно отделаться от ощущения дежавю.

Президент Рузвельт, убежденный, что способен «очаровать» Сталина и установить с ним почти личные отношения, выглядит удивительно современно. Его вера в собственную способность договориться с диктатором напрямую, минуя институциональные механизмы осторожности и недоверия, местами звучит почти как эхо сегодняшней риторики «личного взаимопонимания» с Владимиром Путиным со стороны президента Трампа, вплоть до подчеркнуто театрализованного протокола их недавней встречи на Аляске с красной ковровой дорожкой. И это несмотря на то, что российский президент, как и активно реабилитируемый им советский генералиссимус, считает «свободу слова величайшей слабостью демократий». Согласитесь, сильная цитата в сегодняшнем контексте разговоров о «слабости» открытых обществ, «неэффективности» демократии и преимуществе авторитарных режимов в эпоху кризисов и информационных войн.

Не менее поразительна еще одна параллель: важнейшие дипломатические миссии тогда, как и сегодня, нередко поручались не профессиональным дипломатам, а людям из круга личного доверия президента. Президент Трамп доверяет важнейшие переговоры бизнесмену Стиву Уиткоффу, в книге же Милтона одной из ключевых фигур становится американский миллионер и дипломат Аверелл Гарриман, имя которого более известно, я думаю, старшему поколению россиян, чем современному западному читателю, хотя это имя носит «Русский институт» при Колумбийском университете в Нью-Йорке. А потому стоит напомнить, что американский миллионер-промышленник, воплощение «американской мечты во втором поколении» в марте 1941 года по поручению президента США участвовал в Лондоне в переговорах по ленд-лизу, в 1941-1943 годах был специальным представителем Рузвельта в Великобритании и СССР и координировал межсоюзническое взаимодействие по этой программе, а в 1943-1946 годах являлся послом США в СССР, часто встречаясь со Сталиным. Правда, здесь историческая параллель начинает давать

трещину: Гарриман, в отличие от многих нынешних посредников, довольно быстро избавился от иллюзий относительно советского лидера и оказался едва ли не самым прозорливым участником всей этой истории.

«Сталин стремился к слабым соседям, потому что слабых соседей легче подчинить себе», понимал он уже вскоре после Ялтинской конференции, определившей новую карту Европы. «Мы должны признать, что наши цели и цели Кремля непримиримы. Кремль стремится устанавливать коммунистические диктатуры, управляемые из Москвы, тогда как мы, насколько это возможно, хотим видеть мир, где правительства подчиняются воле народа.» Или вот еще: «Стоит нам проявить слабость – в чем угодно, и атака последует немедленно. Поэтому мы должны не только быть сильными, но и показывать свою силу.» Все эти мысли дошли до нас благодаря дневникам Роберта (Боба) Мейклджона, помощника Гарримана в его «советские годы». Эти ценнейшие свидетельства разрушают распространенный миф о «наивном незнании»: увы, проблема порой заключается не в нехватке информации, а в отсутствии политической готовности делать из нее выводы. Любопытно, как обрушилась тогда на Гарримана американская пресса, мнение которой свелось к тому, что он боится СССР потому, что миллионер! Известный советский дипломат Олег Трояновский вспоминал, что в 1947 году Сталин заметил о Гарримане, что «этот человек несет свою долю ответственности за ухудшение наших отношений после смерти Рузвельта».

А Черчилль, такой умный, опытный политик! И что же? «Это человек с исключительной личностью, удивительно соответствующей бурным и трагическим временам, через которые ему пришлось пройти. Человек неисчерпаемой воли и мужества, прямой и даже грубоватый в своих высказываниях», - так рассказывал он о Сталине британским парламентариям после встречи с ним. «Ни слова о преступных чистках, миллионах убитых, лагерях ГУЛАГа. Черчилль нарисовал исключительно положительный портрет Сталина и даже признался, что нашел его симпатичным и поразительно откровенным», – отмечает Джайлс Милтон, подчеркивая не столько «предательство» британского премьер-министра, сколько механизм самоубеждения демократических лидеров во время войны. Они постепенно начинают описывать диктатора в категориях силы характера, эффективности, исторического масштаба – как будто эти качества способны заслонить цену, которой они достигаются. Особенно интересно здесь слово *franchise* – «откровенность», «прямота». Да, авторитарные лидеры часто производят впечатление «честных» именно потому, что не скрывают своей жесткости, при этом для части западных элит такая грубая прямолинейность удивительным образом начинает выглядеть более «подлинной», чем сложный язык демократической политики.

Книга Милтона особенно интересна тем, что показывает не только политиков, но и инфраструктуру власти – переводчиков, советников, журналистов, сопровождающих лиц, чьи оценки нередко расходятся с мнениями «первых лиц». Именно переводчики становятся почти невидимыми соавторами истории, и это справедливо, ведь от их профессионализма, от точности интонации, от сознательно смягченного или, наоборот, ужесточенного перевода зависели атмосфера переговоров и восприятие сказанного, что в эпоху «машинного» перевода тоже звучит неожиданно актуально. Можно искренне пожалеть, что советский переводчик Владимир Павлов, работавший на всех тех исторических встречах, в отличие от своих американского и британского коллег не оставил воспоминаний.

Не менее современно выглядит и роль прессы. Милтон довольно жестко показывает

журналистов, готовых жертвовать сложностью ради эффектного заголовка и политического спектакля, стремящихся не столько понять происходящее, сколько добыть сенсацию, совершенно не заботясь о последствиях. Так, одна утрированная статья о любви Черчилля к черной икре чуть было не дискредитировала важнейшую миссию в Москву в сентябре 1941 года в глазах общественного мнения! Некоторые журналисты сознательно закрывали глаза на очевидное, поддавшись обаянию тщательно поставленного советского театра: Сталин прекрасно понимал силу символов, работавших не хуже дипломатических меморандумов.

Одним из самых неожиданных персонажей книги становится любимая дочь Гарримана Кэйтлин, повсюду сопровождающая своего обожаемого папочки – «Popsie». Молодая, блестящая, прекрасно образованная, выучившая русский язык, она превращается в настоящую звезду московского дипломатического мира, которой восхищаются, за ней наблюдают и которую пытаются использовать.

Поскольку книга в большой степени основана на дневниковых записях, то в ней очень много личных наблюдений самых разных персонажей, что и делает ее такой интересной. Однако я совершенно не ожидала, что окажется задетой и моя собственная личная струна. Сердце мое неожиданно сжалось на странице 119, с которой начинается рассказ об эвакуации дипломатического корпуса из Москвы в Куйбышев, сегодняшнюю Самару, 15 октября 1941 года. Дело в том, что накануне с того же Казанского вокзала в Куйбышев отправился поезд, увозивший моих бабушку, дедушку и девятилетнего дядю – эвакуировался Большой театр. Артистам и членам их семей было разрешено взять с собой по одному чемодану, дипломатам, как я теперь знаю, – по два, первые преодолели расстояние в 1013 км за четыре дня, вторые – за пять, но и те, и другие были по прибытии размещены в освобожденных для этого от мебели учебных заведениях, в спартанских условиях. «Единственным развлечением оставался балет Большого театра, чья труппа была эвакуирована из Москвы. Но даже «Лебединое озеро» теряло свое очарование, когда смотришь его в энный раз», – признавался британский посол сэр Арчибальд Кларк Керр. Вполне возможно, что он слушал моего дедушку в «Севильском цирюльнике» или «Вильгельме Телле», но познакомиться им точно не довелось: советским гражданам запрещалось общаться с иностранцами.

Я бы еще многое могла сказать об этой книге, но не хочу лишать вас удовольствия собственных открытий, а потому ограничусь еще только одной цитатой. Аверелл Гарриман покидал Москву в январе 1946 года с противоречивыми чувствами по отношению к главе советского государства. «Мне трудно примирить в своем сознании ту вежливость и внимание, которые он проявлял ко мне, с той чудовищной жестокостью, которой сопровождались его великие чистки, – приводит Джайлс Милтон его слова. – Те, кто не знал Сталина лично, видят в нем лишь тирана. Я же видел и другую сторону: его выдающийся ум, невероятное внимание к деталям, политическое мастерство и ту удивительную человеческую чуткость, на которую он был способен – по крайней мере в военные годы. < > Мне он показался более информированным, чем Рузвельт, более реалистичным, чем Черчилль, и я считаю, что в определенном смысле он был самым компетентным из лидеров военного времени. При этом, разумеется, он оставался тираном и убийцей. Должен признаться, что для меня Сталин остается самым противоречивым и самым загадочным персонажем из всех, кого мне когда-либо доводилось встречать, и я предоставляю истории судить о нем.»

История редко повторяется буквально. Но некоторые политические механизмы, как

показывает книга Милтона, оказываются удивительно живучими.

[книги о Второй мировой войне]

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/delo-stalina*